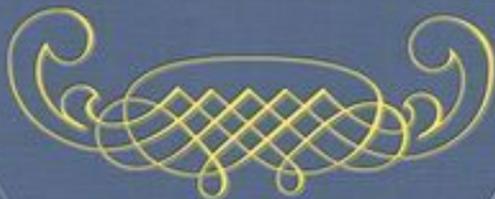

И. С. ЛУКАШ

Иван Созонтович Лукаш
«Путевка»
Серия «Со старинной полки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2469725

Аннотация

«...В Берлине советский фильм «Путевка в жизнь» немедленно объявили «достижением». Едва ли не два месяца также рекламировали этот фильм в Париже. Тон некоторых газет был иногда возмутителен, иногда вульгарен, а иногда и глуп.

Не глупо ли было писать об этом фильме, что он «решает проблему воспитания детей», показывает «методы, принятые советской властью в борьбе с беспризорностью», что им «ежедневно восхищаются» и т. д.?...»

Иван Созонтович Лукаш

«Путевка»

В Берлине советский фильм «Путевка в жизнь» немедленно объявили «достижением». Едва ли не два месяца также рекламировали этот фильм в Париже. Тон некоторых газет был иногда возмутителен, иногда вульгарен, а иногда и глуп.

Не глупо ли было писать об этом фильме, что он «решает проблему воспитания детей», показывает «методы, принятые советской властью в борьбе с беспризорностью», что им «ежедневно восхищаются» и т. д.?

Наконец, в той же газете один кинорецензент, хотя и объявил, что впечатление от фильма «потрясающее», довольно неожиданно должен был дать «Путевке» такое определение: – Наглая, хвастливая инсценировка...

С точки зрения театра и кино, фильм действительно – средний, что называется, серый. Приемы режиссера – устарелы, драматические положения утомительно повторяются, ритм становится к концу скучным...

Фальшива и драма: примерный мальчик Коля в расшитой косоворотке – ему, впрочем, уже 15 лет – чинно слушает советское радио. Он сын слащаво-казенного пролетария, тоже в расшитой косоворотке, и пролетарки с курносо-скуластым лицом.

Беспризорный случайно убивает эту пролетарку на улице,

примерный пролетарий начинает пьянствовать и бить Кольку, что называется, почем зря, куда и чем ни попало...

Колька бежит от отца, становится беспризорным и сподручным вора Фомки: смотрите-де и верьте, что не голод, не военный коммунизм, не пятилетка, не вся мерзость большевизма породили беспризорных, а «пьяные отцы»...

В Москве после облавы толпа беспризорных во главе с вожакон татарчонком Мустафой вдруг соглашается по договору добродее-коммуниста отправиться в трудовую колонию. Надо заметить, что Мустафа тоже был сподручным Фомки.

Между тем Колька, ставши вором, попадает. Толпа избивает его в кровь. Ему вспоминается мать, и он – тоже вдруг – решает отправиться в ту же «трудовую колонию», устроенную добродеем-коммунистом. Заметим, что Баталов изображает этого добродеея неплохо, хотя однообразно, но вот «рожа» у Баталова, действительно, настоящая большевистская, а также и «кубанка», которую он раз сто во время фильма то сдвигает на лоб, то на глаза...

В коммуну Колька решил отправиться не один, а со всеми беспризорными Москвы, которые вдруг и почему-то за ним идут.

Вся эта толпа подходит к комиссариату. Там начинается паника, но Колька объявляет буквально:

– Мы хотим в коммуну, чтобы шить сапоги...

Это так фальшиво, что становится просто противно.

А в коммуне все снова – вдруг – стали приличными с виду

гимназистами времен «проклятого старого режима». Правда, эти гимназисты только шьют теперь сапоги, мастерят стулья и прочее. (Любуйся «перевоспитанием» и трепещи, проклятый буржуй!) Но добродей Баталов в кубанке уезжает, и «перевоспитанные» учиняют такой разгром всей этой слащавой коммуны, что уже теперь «буржуй» может любоваться советскими «методами воспитания».

Татарчонка Мустафу (очень хороший актер) убивает его бывший приятель Фомка-вор.

А Колька <...> встречается с отцом, снова ставшим примерным пролетарием, и получает советскую «путевку в жизнь» в виде такого высокого звания, как кондуктор на товарном поезде.

Самая мещанская, самая приторно-слащавая идейка в основе этого фильма: исправление детей улицы.

Но чтобы в такой коммуне, где ребята тачают сапоги и откуда они бегают в соседний кабаk, устроенный Фомкой, действительно получилось «исправление», этому, глядя на фильм, не поверит даже круглый коммунистический дурак.

Что действительно хорошо – так это подбор московских «лиц» и «морд». Морд, к сожалению, больше. Вот уже, действительно, отвратительные морды революции!

Так сквозь всю слащавую коммунистическую пропаганду фильма мелькает теперешняя настоящая Москва, с толпами самых несчастных детей на всем свете – маленьких русских мучеников коммуны...

И русскому зрителю будет либо нестерпимо отвратительно, либо нестерпимо больно смотреть этот фильм.

Какой нищей, какой серой стала Москва... Грязный снег, тюрьмы, милицейские, убогие вокзалы, заплеванные комиссариаты и толпы детей – зверенышей в лохмотьях.

Какими ужасными стали русские лица! Каким скотством и зверством – русская жизнь!

Мордастые, нагло-самодовольные заседающие товарищи, пьянство, проститутки, девочки-сифилитички, воры, злобные собачьи драки, свальный разгул, замученные дети-звери в лохмотьях и снова самодовольно заседающие товарищи. Вот такая Москва, такая страшная Россия мелькает в этом фильме.

Русскому будет больно смотреть и русскому будет мучительно слушать голоса Москвы, иногда прорывающиеся сквозь сплошной нагло-жирный бабий голос казенной пропагандистки.

В заплеванных камерах милиции толпы согнанных беспризорных поют какую-то песню. Вероятно, настоящую песню этих несчастных московских детей. Они поют о том, что у них нет никого на свете, что они всеми забыты, что «никто не найдет их могилы»...

Вероятно, настоящая и та песня, которую поет пьяный Фомка, – «Зачем меня мать породила...»

Страшное томление, невнятная и страшная тоска по иному слышится в этих песнях теперешней Москвы, загнанной

в большевистские тиски.

Страшны и выкрики толпы:

– Расстрелять их, сукиных детей, все равно бандиты вырастут...

Страшны и эти теперешние московские словечки:

– Гады... Легаши (сыщики)... Бузеры...

И какое искреннее озлобление, как у всех беспризорных блеснули по-звериному зубы, когда добродей в кубанке предложил им ехать в коммуну, – какая буря проклятий вырвалась у них против этой коммуны...

Русский зритель увидит Москву, больную и отвратительную, страшную и нестерпимо близкую...

Но все, что он увидит и отыщет, будет «человеческими документами», «человеческим материалом» фильма.

А все разговоры о каких-то особых кинематографических «достижениях» этой «наглой, хвастливой инсценировки» – только наглая советская реклама.